

АЗБУКА ВЕРЫ

свщ. Андрей Лоргус

Мера ответственности священника – предельная

Мера ответственности священника - предельная

свящ. Андрей Лоргус

священник Андрей Лоргус

«Жатвы много, а делателей мало». Эти слова Спасителя — точная характеристика современной жизни Церкви, когда к вере приходит все больше людей, а священников на приходах по-прежнему катастрофически не хватает. Кто такой пастырь и как вырасти в меру своего призвания? Что характерно для современной церковной жизни? Какова именно та «жатва», к которой приступает делатель на ниве церковной сегодня? Своим опытом и своими мыслями по этому поводу делится священник Андрей Лоргус, декан факультета психологии Российского Православного Института святого апостола Иоанна Богослова.

— Пастырство... Всегда ли это призвание? Или же к нему можно подходить как к любой другой профессии?

— Это только призвание, иначе быть не может. Это Божье призывание. Понять это возможно, только если ты умеешь прислушиваться к Божьему голосу. Однако человек имеет свободу не ответить Богу, и Бог прощает это человеку, но дар отнимает.

Впрочем, уже в рамках призвания есть то, что можно было бы назвать профессиональным возрастанием: священство очень непростая вещь. И те, кто чувствует к этому призвание или благословлен кем-то, должны рассматривать свою подготовку как подготовку, в том числе, и профессиональную.

— Как же именно следует готовиться?

Во-первых, конечно, подготовка должна быть богословская.

Во-вторых практическая. Кандидат в священники должен знать Устав не только по книгам, как в семинарии изучают, но и на практике.

Видно с первой минуты появления семинариста в алтаре: кто из храма пришел, а кто со школьной скамьи, или из армии, или откуда-то еще.

В-третьих, очень важно иметь жизненный опыт, это «золотой запас» кандидата в священники. Вот почему 30 лет для хиротонии —

оптимальный возраст, тут уже речь идет о зрелой личности.

В-четвертых, очень важна для будущей пастырской деятельности священника психологическая готовность. Если человек страдает различными личностными проблемами и неврозами, страхами или фобиями, теми или иными комплексами, то, став священником, он будет все эти проблемы переносить на паству. Это будет очень тяжело и для прихожан, и для него самого.

В-пятых, очень важно, чтобы у кандидата в священники была хотя бы минимальная музыкальная подготовка, подготовка голоса. И, конечно, необходимо, чтобы он знал церковнославянский язык.

— Какой предмет для будущего священника нужнее всего?

— Предмет «Практическое руководство» очень важен. Пожалуй, это самый интересный предмет для семинариста, потому что тут – не отвлеченные рассуждения, а разговор о Церкви, конкретной, живой, сегодняшней. Но, к сожалению, когда нам читали «Практическое руководство», этот курс был сведен к разбору совершения чинопоследований; не обсуждались вопросы избрания кандидата в священники, его подготовки, проблемы личностные, психологические. Вопросы брачной жизни, внебрачной, вопросы поведения священника уже внутри прихода.

Наша современная духовная школа построена так, что пастырский опыт едва ли может быть передан молодежи. Ведь преподают в семинарии — скажем, в наше время преподавали — чаще всего священники, которые не знакомы с приходской жизнью. И монахи, даже живущие в Лавре, в большинстве не знают, что такое приход. И когда священник остается один на один – в деревне, в селе – со своими прихожанами, он очень часто не понимает, что ему делать. Я разговаривал со многими своими братьями по выпуску, и все они переживали это одинаково: сложно и мучительно. А кто-то даже не пережил, оставил служение.

— Этот недостаток полученных знаний можно как-то восполнить?

— Если молодой человек попадает в многоклирный храм и общается с настоятелем, со старшими священниками, он получает от них самые драгоценные знания и опыт. И когда священник вот так растет в

своем храме, там его учат и готовят, он переживает все будущие кризисные ситуации гораздо менее болезненно и успешнее проходит послушание.

Беда в том, что семинарист зачастую получает назначение на приход, прослужив в лучшем случае месяц, а в худшем неделю в соборе. Это даже не опыт. Это самое поверхностное умение просто совершить богослужения и требы.

Я был направлен проходить практику в качестве священника в Елоховский собор. На третий день мне поручили говорить проповедь, и в тот же день отправили на исповедь, которая стала для меня шоком. Никто не позаботился о том, чтобы предупредить меня, что я услышу, как к этому относиться и как это выдержать. И никто не спросил меня тогда: «Ну, как ты?». Посмотрели со стороны: жив, стоит, читает молитву...

Уже потом, пройдя этих исповедей сотни и тысячи, спокойнее относишься ко всему, что можешь услышать. Но первая исповедь – это всегда потрясение для молодого священника. Однако мне никто об этом никогда не говорил. Даже когда рукоположили.

Хотя вообще мне повезло: я пришел в семинарию, имея большой опыт чтеца и алтарника. И мне повезло, что я принял священный сан после почти шести лет диаконского служения.

— *Кто был Вашим духовником?*

— Протоиерей Владимир Рожков, ныне покойный. Он был настоятелем Николо-Кузнецкого храма. Он меня крестил. Он меня учил, как-то вел, взял в храм, и я работал в его храме, потом служил с ним дьяконом. То есть я всю свою церковную жизнь до его смерти провел вместе с ним. Что касается моей преемственности по отношению к нему – она, конечно, есть. Но она более касается вопросов литургических, чем пастырства. Я не встречал больше никого, кто совершал бы литургию, как он.

Это трудно описать словами. Это дар Духа, то, как он служил – огненно... Это было очень страшно. Он предстоял Господу лично, он молился со слезами, он увлекал своей молитвой и голосом прямо к Богу.

Одна женщина так хорошо это выразила: «Я обычно на раннюю прихожу литургию, а батюшка всегда позднюю служит. Но однажды я замешкалась, и мне пришлось уходить в тот момент, когда начиналась поздняя литургия. Я уже повернулась, чтобы уйти, и вдруг услышала за спиной как бы призыв ко мне Самого Бога: “Куда ты уходишь?”. На самом деле это был возглас священника “Благословенно Царство...”. Но я поняла, что надо либо с этим голосом оставаться, либо убежать прочь». К этому нельзя было отнестись, как к чему-то, что в церкви происходит каждый день. Ее рассказ раскрывает самое поверхностное, но очень верное отношение к его служению. С ним надо было молиться всю Литургию до конца или не молиться вовсе. Равнодушным оставаться было нельзя. К сожалению, из служащих это понимали не многие.

Кто-то говорил, что он служит театрально, артистично, нетрадиционно. Однако он служил вполне традиционно, никогда не нарушал правил, хотя мог бы при его опыте служения и в славянских странах, и на Востоке... При всем при этом он никогда в чин литургии ничего не добавлял – так, как, например, старец Кукша в Карпатах, или святитель [Афанасий \(Сахаров\)](#), или митрополит Сурожский Антоний... Но то, как он сам служил и как горел на литургии, – это было самым главным, что он нам, своим ученикам, передал. Вернее, не передал, а показал, как можно служить, никому из нас ничего не указывая. И он стал для меня тем человеком, у которого я научился верить в Бога, быть с Церковью, несмотря ни на что, и служить Божественную литургию. Вот эти дары я получил от своего духовного отца. С меня довольно. Это и так очень много.

— Часто говорят, что преемственность в монашеской жизни была нарушена. А что можно сказать в этом отношении о жизни церковной?

— Судя по тому, что можно прочесть о духовной традиции в Русской Церкви до революции, даже до войны, ныне традиция пресеклась, и в монашестве, и в пастырстве. Более того, как-то неожиданно и та духовная традиция, которая была до перестройки, точно «улетучилась» с приходом совсем новых поколений.

В середине 80-х – начале 90-х в Церковь хлынуло очень много людей. И Церковь «доперестроечная» численно оказалась в меньшинстве.

Новые поколения привнесли свой дух, и этот дух... он был сложным. Это был неофитский, как бы «советский» дух. Не имея достаточного образования, не имея опыта постепенного воцерковления, эти люди внесли в жизнь Церкви очень много чуждого ей. Появился целый ряд проблем, явлений, которых раньше не было. Никто и не подозревал, что они возникнут.

— *Например?*

— Появилось множество старцев. Причем откуда, если их не было прежде? До перестройки был отец Иоанн (Крестьянкин). Все его знали. Был отец Василий из Васка-Нарвы. К нему многие ездили. Про отца Николая Гурьянова тогда еще мало кто слышал. Монастырей было всего четыре.

А тут... появились новые обители, в которых сразу же «завелось» по старцу. И, конечно, это явление 90-х годов – обилие старчества такое – у людей с «доперестроечным» церковным опытом вызывает изумление: откуда они взялись? Кто их вел по жизненной дороге? В каких монастырях они воспитывались?

Прежде их не было. И младостарчества не было до перестройки...

— *А чем отличается младостарчество от попыток просто искренне дать совет, помочь человеку?*

— Когда молодой священник дает совет по какому-то духовному вопросу – это одно. Но когда он говорит: «Благословляю тебя уходить с работы...», или «разводиться», или «жениться вот на этой девице», это – младостарчество. То есть, во-первых, это дерзновение советовать в том, в чем священник вообще к такому совету не призван, а во-вторых, если и призван, то только опытный священник, и очень осторожно, лишь в тех случаях, когда вопрос действительно требует такого вмешательства.

А сейчас никакие даже не младостарцы, а просто молодые священники на приходах берутся рекомендовать пожилому человеку уходить с работы, или менять ее, или разводиться, или еще чего-нибудь. Например, недавно рукоположенный священник заявляет супружеской паре, которая прожила 30 лет в браке: «Вы живете в блуде». Это не только дерзновение, это преступление, и это оскорбление. Или когда молодой или немолодой священник говорит

женщине: «Ты должна развестись, потому что он не хочет с тобой венчаться». Да кто ж право тебе дал расторгать браки?! По этому поводу есть заявление Священного Синода и выступления Святейшего Патриарха на каждом ежегодном собрании духовенства Москвы ... И все равно такие случаи имеют место быть.

А если еще о «новом» духе говорить, то вот, например, изобилие новых акафистов, тоже начиная с 90-х годов, новых молитв каких-то неожиданных. Однажды, году, наверное, в 1996-м, приходит к нам прихожанка и говорит: «Что это такое? “Молитва задержания”»? Насколько мне позволяет судить моя грамотность книжная, ничего этого раньше тоже не было.

— *Вы считаете - это плохо, такие новые молитвы?*

— Не то что плохо, это недопустимо. Потому что новые молитвы должны быть приняты к употреблению Церковью, а не кем-то в частном порядке. Кроме того, это - какая-то отсебятина. Конец XX столетия в России - пора появления доморощенного богословия, этих доморощенных акафистов, совершенно маргинальных выдумок типа того же самого «конца мира», ИНН, штрих-кодов и всего прочего. И это вылилось в какое-то очень мрачное, дикое, мракобесное движение, в основании которого лежат чудовищные соображения, неграмотность с богословской точки зрения, невежественность с точки зрения научной.

- *Это проблема только лишь нашего настоящего?*

- Мне кажется, что когда вырастет несколько поколений людей, которые с детства в Церкви, которые прошли воскресную школу, маргинальный элемент в церковной жизни будет занимать очень небольшое место.

Если вы читаете русскую литературу, то встретитесь с этим «элементом» в истории неоднократно, но прежде Церковь была достаточно здорова и мощна по своему объему, поэтому она могла не пугаться этого низового слоя, хотя и боролась с подобными явлениями. Это сейчас маргинальный слой по объему очень велик, и он о себе заявляет, он кричит, он пытается властвовать. Причем особенно печально то, что этим пользуются политики. Однако я думаю, что постепенно эта проблема сойдет на нет.

Вообще, мне представляется, что в настоящее время в толще народной религиозной жизни образовалось два крайних «лагеря»: реалистически-прагматический и вот этот самый маргинально-идеологический. Помимо них есть здоровое большинство, ищущее от пастырей молитвенного опыта и духовного научения. Мне лично ближе это большинство.

— *Иногда говорят: «крепкий приход», или, наоборот, «слабый приход», или вообще: «нет прихода». А что это такое - приход? И как правильно организовать приходскую жизнь?*

— Приходская жизнь — это, прежде всего, сама жизнь, то есть рождения, проживание, взлеты и падения, возрождения и смерть. В каждом приходе это есть. Есть любовь, есть проблемы, есть трагедии, есть свадьбы и есть дети, есть смерть и поминовение. Но все это совершается именно в приходе, внутри богослужебной и общинной жизни. А в храме, где просто служатся требы, и где один другого не знает и другому не сопереживает, прихода нет.

«Организовать» приходскую жизнь в полном смысле этого слова нельзя. Она строится вокруг Чаши, то есть церковных Таинств, и, отчасти, вокруг личности священника. Эта жизнь - естественный поток, образующийся из жизни составляющих приход людей.

Кроме того, прихожанам нужно общаться помимо литургии. Они, после того, как причастились, прочитали молитвы, хотят общаться. И это законно. У них должна быть для этого возможность - попить вместе чаю, пойти куда-то, посидеть, поговорить, поехать в паломничество, и это не стоит особенных трудов настоятельских. Этому просто нужно дать некую форму, направление, и в разных храмах это по-разному благополучно решается.

Должен быть, конечно, определенный актив приходской, который хочет заниматься особыми делами: библиотека, богадельня, помощь нищим, убогим, сиротам и так далее, и для этого у прихожан достаточно любви. И здесь, опять же, не должен настоятель все организовывать сам. Он должен задать направление и поручить наиболее активным людям этим заниматься.

— *Как сделать приход «устойчивым»?*

— Настоятель и община - вот сердце прихода. И они должны быть

максимально постоянны. Тогда этот приход являет собой единое целое, у него есть лицо, этот приход известен как приход и он устойчив. В Москве сейчас немало таких общин, слава Богу. Есть приходы, в которых настоятель по 15–20 лет один и тот же, а есть такие, где и по 30. Их мало в процентном отношении, конечно, но есть. Жизнь в них уже налажена, течет в своем русле, и не нужно ее с нуля начинать.

— *Что такое пастырь? В чем лично для Вас заключается смысл пастырского служения?*

— Пастырь, прежде всего, совершитель Таин Божиих. Поэтому его первое призвание – служение литургии. Во-вторых, он человек, имеющий духовный опыт. Опыт – категория личная. Опыт нельзя взять из книг, из рассказов, из традиции. Личностью можно только быть. И во все времена это было не просто, не просто и сейчас. Пастырь – человек, идущий по духовному пути, и потому он падает, встает, делает ошибки, учится сам и потому может научить других.

Путь каждого пастыря, как и каждого человека вообще, индивидуален. Каким он станет, никто не знает: ни он сам, ни его духовный отец, никто. Пастыри могут быть очень разные. Один полностью «растворится» в своих прихожанах, и для него паства будет важнее, чем литургисание. Такое тоже возможно, хотя у меня такой образ вызывает, скорее, сожаление. А другой, наоборот, будет в большей степени служить и в меньшей степени заниматься пастырской деятельностью. Третий станет «социальным работником», больше уделяя внимание больницам, детям, неимущими. Четвертый, может быть, будет богословом.

То есть направлений пастырской деятельности чрезвычайно много, поэтому один пастырь воплотить в себе всего не может. Тут легко впасть в ошибку, и многие из нас прошли (и я в том числе) через это искушение: быть всем на приходе. Настоятель «должен быть всем»: должен литургисать, должен исповедовать, должен быть хозяйственником, старостой, учителем в воскресной школе и социальным лидером и так далее, и так далее. Типичный образ такого трудоголика, путь которого – гибель. И, к сожалению, мы таких примеров преждевременных смертей знаем много. Тут, с одной стороны, гордыня, с другой – неопытность, а с третьей стороны есть и

превратное представление о должности священника.

Если посмотреть на священников дореволюционных, то они были гораздо скромнее. Как правило, сельский священник преподавал в школе, возможно, сам вел церковное хозяйство, но очень многое было доверено общине. Всякие попечительские советы, устройство школ, богаделен – иногда священник принимал в этом участие, но чаще всего это брали на себя члены приходского совета.

— *Как Вы считаете, насколько реально в условиях сегодняшней жизни на приходе духовное руководство?*

— Духовное руководство – не что-то сверхъестественное. Это может быть одна встреча человека со священником, а может – вся жизнь, прожитая вместе.

Главное в духовном руководстве – именно встреча двух личностей, каждая из которых в ходе этой встречи что-то получает и что-то отдает. А если священник во время встречи со своим духовным чадом не получает, но только отдает (или думает, что только отдает), то в конце концов для него это духовное руководство становится неприемлемым, и он от него бежит. И для пастыря, и для пасомого духовное руководство – соприкосновение с иным опытом, с иным миром. Безусловно, предполагается, что духовник, духовный руководитель имеет больше опыта, чем духовное чадо. Но не всегда бывает так. Ко мне приходит на исповедь женщина, прожившая в Церкви 60 лет. Да она с детства там! И я выпрашиваю у нее: как жила, как это было, и я учусь. Это очень важно для духовника – учиться у людей.

И еще, конечно, духовный отец – это тот, кто сам живет духовной жизнью. Если он сам, так сказать, прозябает, если он сам не может решить своих проблем, то его духовничество будет либо малополезным, либо бесполезным, либо погибельным для кого-то. Такое тоже бывает.

— *Какова мера ответственности духовника за его духовное чадо?*

– Она настолько велика, что измерить ее нельзя ничем. Священник уже на суде только за то, что стал священником. Поэтому какая у него ответственность? Предельная.

— В молитве о духовном отце есть такие слова: «Господи, не осуди, не истязи его ради греховной моей жизни». Значит ли это, что священник «берет на себя» грехи кающегося?

— Во-первых, сам чин покаяния не предполагает никакой передачи грехов от кающегося к священнику. Священник говорит во время молитвы: «Я только свидетель». То есть свидетель – и все.

Во-вторых, грехи на Себя все взял Спаситель, и никто больше не может взять ничьих грехов на себя. Это онтологически невозможно. Грех – это не вещь, не зараза, не вирус. Я часто слышу в простонародье: «Батюшка болеет, потому что он наши грехи берет на себя». Это не только неправда, это безграмотная чепуха.

— А как же понять «не осуди и не истязи»?

— Это другое дело. Тут опять говорится об ответственности: священник отвечает за то, как живут его духовные чада. Недаром русская пословица гласит: «Каков поп, таков и приход». Но это ответственность не за поступок каждого человека (ведь у всех у нас есть свободная воля), а за пример и опыт, который духовные дети могут видеть в духовнике.

— Иногда приходится слышать: «Ведь это мне на исповеди сказали, во время Таинства». То есть человек воспринимает сказанное как нечто особенно важное, почти откровение. Каково Ваше мнение: на исповеди нет случайного- Или все зависит от веры человека?

— Конечно, бывает, когда интуитивно чувствуешь: что-то в этот момент открылось тебе в данном конкретном случае по поводу данного конкретного человека – что сказать именно ему. И сам невольно удивляешься: откуда?

Но в какой форме это преподнести? Ведь можно сказать: «Подумайте, а не будет ли это... не пожалеете ли Вы... берете ли Вы на себя ответственность?». Сама модальность разговора важна. Не директивы, а разговор о «возможном». А выбирать, как поступить, – всегда самому человеку.

Что же касается послушания... Например, одна женщина хочет поехать на некое собище, где будут какие-то безумные, совершенно нецерковные деяния по поводу всенародного покаяния, как,

например, в Тайнинском. И я говорю: «Нет, не ездите туда». Но и не ругаю за то, что она это послушание не выполнила.

Я вообще не беру на себя смелость выдавать какие-то повеления своим духовным – если так можно сказать – чадам. Я предоставляю решать во всех случаях им самим. Я могу лишь подсказать, каковы могут быть мотивы для их решения, подсказать, как их поступок будет выглядеть с той или другой стороны – с канонической, с духовной, с нравственной. Могу попытаться вместе с ними увидеть последствия этого поступка, могу что-то посоветовать от своего опыта, если у меня есть таковой. Могу сказать: у святителя Игнатия – так, у Феофана Затворника – так. Одни отцы говорят то-то и то-то, другие говорят – вот это. Вот, что я могу. А сказать: «Стой там – иди сюда» — не могу. Не дерзаю.

беседовала Анна Зимнева

Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской епархии» (www.eparhia-saratov.ru).